

королева юга

Артурос Перес-Реверте

перевод Натальи Кирилловой

Популярность испанского писателя Переса-Реверте за последний год возросла невероятно. «Кожа для барабана», «Фламандская доска», «Учитель фехтования», «Клуб Александра Дюма» издавались, переиздавались, читались и перечитывались. А к этим уже хорошо известным романам прибавились «Территория команчей», «Тайный меридиан», «Тень орла». Мастер исторической прозы, виртуоз приключенческого романа, Артуро Перес-Реверте по праву находится на вершине современного литературного Олимпа. Но при этом он все еще способен удивлять. Только читатели привыкли к его историческим стилизациям, как он выступает с документальным романом о работе журналистов в Югославии; только свыклись с его историческим педантизмом, как появляется роман-фельетон о Бородинском сражении. «Королева Юга» не исключение. Это опять другой Перес-Реверте — неожиданный, незнакомый, но по-прежнему блестящий и захватывающий.

Уже в январе роман Артуро Переса-Реверте «Королева Юга» выходит в издательстве «ЭКСМО-Пресс»

Продолжение. Начало в номере 18

Это все не со мной, подумала она. А может, не успела ничего подумать и просто пассивно наблюдала за той, другой, Тересой Мендоса, которая думала за нее. Но главное: когда она отдала себе отчет в происходящем, ее пальцы — или пальцы той, другой женщины, за которой она следила, — сомкнулись вокруг рукоятки пистолета. Предохранитель слева, рядом с курком и кнопкой, которой извлекается магазин. Она прикоснулась к нему большим пальцем и почувствовала, как он скользит вертикально вниз, освобождая ударник. В патроннике есть патрон, заставила себя вспомнить она. Есть патрон, готовый к выстрелу, потому что я загнала его туда — она помнила, как лязгнул металл, — хотя, может, мне только кажется, что я это сделала, а на самом деле не сделала и патрона там нет. Она обдумала все это бесстрастно и расчетливо: предохранитель, курок, ударник. Патрон. Такова надлежащая последовательность событий, если только этот звонкий щелчок прозвучал на самом деле, а не был плодом ее воображения. В противном случае боек ударит в пустоту, а у Кота Фьерросса окажется достаточно времени, чтобы решить, что ему все это не нравится. Хотя, как бы то ни было, хуже не будет. Только, может, чуть больше насилия или жестокости в последние мгновения. Ничего, что не закончилось бы через полчаса: для нее, для той, другой женщины, за которой она наблюдает, или для обеих. Ничего, что вскоре не перестало бы причинять боль. Такие мысли роились у нее в голове, когда она прекратила смотреть в потолок и поняла, что Кот Фьерросс замер и уставился на нее. Тогда Тереса подняла пистолет и выстрелила ему в лицо.

В спальне стоял едкий запах порохового дыма, и эхо выстрела еще гремело в стенах, когда Тереса нажала курок еще раз; но отдачей от первого выстрела «дабл-

игл» сильно рвануло вверх, так что второй вышиб из штукатурки кусок размером с ладонь. Кот Фьерросс уже тяжело завалился спиной на тумбочку, будто задыхаясь, зажимая руками рот, а между пальцев у него струями хлестала кровь, заливая глаза, вылезшие из орбит от изумления и ослепленные вспышкой, опалившей ему волосы, брови и ресницы. Тереса не знала, кричит он или нет: прогремевшие совсем рядом выстрелы, ударив по барабанным перепонкам, оглушили ее.

Она стояла на коленях на кровати — из всей одежды на ней оставалась только футболка, задранная к самой шее, — обеими вытянутыми руками вцепившись в пистолет, чтобы поточнее прицелиться в третий раз, когда увидела, как в дверях появился Поте Гальвес, ошарашенный и растерянный. Словно в замедленном сне, она перевела взгляд на него; а он — револьвер по-прежнему торчал у него за поясом — протянул обе руки перед собой, будто защищаясь от «дабл-игла», который Тереса теперь навела на него и на который были устремлены его испуганные глаза. Губы под черными усами шевельнулись, беззвучно умоляя: «Не надо»; а может, на самом деле Поте Гальвес выговорил это «не надо» вслух, но она не расслышала, потому что в ушах еще звенело от выстрелов. Наверное, он действительно сказал это — его губы продолжали быстро-быстро шевелиться, а руки по-прежнему были вытянуты — какие-то слова примирения, которых она все равно не слышала. И Тереса уже собиралась спустить курок, когда вдруг вспомнила удар кулака о дверцу шкафа, «питон», нацеленный ей в лоб, Блондин был одним из наших, Кот, кончай дурить. А она была его девчонкой. Она не выстрелила. Воспоминание о грохоте дверцы, рассыпающейся в щепки, удержало ее палец, уже ле-

жавший на спусковом крючке. Ощущая, как холод леденит живот и голые ноги, не переставая целиться в Гальвеса, она, ерзая на кровати, отодвинулась назад и левой рукой побросала в раскрытую сумку одежду, записную книжку, пакет с кокаином. Покосилась на Кота Фьерросса, который, сползая на пол, корчился там, прижимая клицу окровавленные руки. Секунду-другую Тереса раздумывала, не добить ли его; но второй киллер еще стоял в дверях с вытянутыми перед собой руками и револьвером за поясом, и она отчетливо поняла, что, если перестанет держать его на прицеле, пуля достанется ей. Поэтому она подхватила сумку левой рукой и, еще крепче сжав «дабл-игл» правой, начала слезать с кровати. Сначала в Крапчатого, наконец решила она, а потом уж в Кота Фьерросса. Такой порядок будет правильным, и грохота разбитой дверцы шкафа, за который она действительно была ему благодарна, недостаточно, чтобы изменить этот порядок.

В этот момент Тереса поняла, что глаза стоящего перед ней мужчины читают то, что отражается в ее взгляде; она увидела, что губы под черными усами перестали шевелиться, оборвав на полуслове какую-то фразу — теперь его речь доносилась до ее слуха неясным шумом, — и за секунду до ее третьего выстрела Потемкин Гальвес с ловкостью, удивительной для человека его комплекции, метнулся к лестнице на первый этаж, шаривая на бегу за поясом револьвер. Тереса выпустила четвертую и пятую пули прежде, чем до нее дошло: это бесполезно, она может остаться без патронов. Выскакивать на улицу вслед за наемником она тоже не стала, ибо поняла, что так просто он не уйдет, и ее маленькое везение — просто краткосрочное стечение обстоятельств. Два этажа, подумала она. Что ж,

Перес-Реверте

«Эти сукины дети — голливудские режиссеры и сценаристы — никогда не делают своих наркомафии белокожими и светловолосыми: их всех зовут Санчесами, и все они родом с южного берега Рио-Браво»

хуже того, что было, уже не будет. Решив так, она открыла окно спальни, выходящее на задний двор, и, глянув вниз, различила в темноте молодую дубовую поросль и кусты. Я забыла прикончить того мерзавца — Кота, запоздало мелькнуло у нее в голове, когда она уже падала в пустоту. В следующее мгновение ветки и сучья расцарапали ей ноги, бедра и лицо, а лодыжки от удара о землю взорвались болью, будто кости, не выдержав, переломились. Кое-как она поднялась, удивленная тем, что осталась жива, и побежала, прихрамывая, босая, голая ниже пояса, среди машин, стоящих на пустыре, и вечерних теней.

Она бежала долго, пока, окончательно задохнувшись, не остановилась и не присела на корточки, укрываясь за полуразрушенной кирпичной стенкой. Ее босые ступни были изранены, царапины по всему телу горели, к тому же она ощущала, как мучительно саднит и жжет у нее между ног и внутри. Лишь теперь воспоминание заставило ее содрогнуться: та, другая Тереса Мендоса вдруг покинула ее, и она осталась одна. Не за кем больше наблюдать издали, некому приписывать собственные чувства и ощущения. Внезапно у нее резко прихватило мочевого пузыря, и она стала мочиться, как была, сидя на корточках за низенькой кирпичной стенкой, боясь шевельнуться, дрожа, как в лихорадке. Свет фар машины, проезжавшей мимо, скользнул по скорчившейся в темноте фигуре: в одной руке сумка, в другой — пистолет.

Говорят, все видит закон, да толку от этого мало

Я уже говорил, что бродил по Кульякану, штат Синалоа, в самом начале моего расследования, задолго до того, как лично познакомился с Тересой Мендоса. Там, где контрабанда наркотиков уже давно вышла из подполья, превратившись в объективно имеющий место социальный факт, доллар-другой, переданный в нужные руки, сослужил мне хорошую службу в разных специфических ситуациях, вследствие которых любопытный чужак без рекомендаций вполне вдруг может оказаться где-нибудь в реке — Умайе или Тамасуле — с пулей в голове. А кроме того, у меня появилось двое хороших друзей: Хулио Берналь, заведующий отделом культуры муниципалитета, и Эльмер Мендоса, местный писатель, чьи великолепные книги — «Одиноким убийца» и «Любовник Дженис Джоплин» — я читал, чтобы ближе познакомиться с происходящим в Синалоа. Благодаря прежде всего Хулио и Эльмеру я начал ориентироваться в обстановке. Никто из них не был лично знаком с Тересой Мендоса в те времена, когда начиналась эта история (тогда Тереса еще ничего из себя не представляла), но они знали Блондина Давилу и еще кое-кого из тех, кто так или иначе повлиял на дальнейшее развитие событий. Таким образом я и разузнал большую часть того, что мне известно сегодня. В Синалоа все решает доверие: это особый мир, жесткий и сложный, однако правила его просты и не допускают двусмысленности. Тебя представляет кому-то друг, которому этот кто-то доверяет, и этот кто-то доверяет тебе потому, что доверяет тому, кто тебя рекомендовал. Если впоследствии что-нибудь пойдет не так, рекомендовавший отвечает своей жизнью, а ты — своей. Бум, бум. На кладбищах северо-запада Мексики полным-полно плит с именами людей, которым кто-то когда-то доверял.

Как-то раз в «Дон Кихоте», вечером, насквозь пропитанным музыкой, сигаретным дымом, пивом, текилой и крепкими шуточками комика Педро Вальдеса — перед ним выступал чревоуещатель Энрике со своей куклой-наркоманом Чечито, — Эльмер Мендоса наклонился ко мне через стол и кивком указал на плотного смуглого мужчину в очках, сидевшего в окружении многочисленной компании собутыльников; все — из тех, кто никогда не снимает курток и пиджаков, будто вечно забнет, сапоги из змеиной или страусиной кожи, тысячедолларовые расшитые ремни, широкополые плетеные шляпы, бейсболки с эмблемой местной команды «Лос Томатерос де Кульякан» и много массив-

ного золота на шее и запястьях. Мы видели, как они подъехали на двух «рэм-чарджерах» и вошли, как к себе домой, а стоявший в дверях охранник подобострастно приветствовал их и не подверг обычной для прочих клиентов процедуре обыска.

— Это Сесар Бэтмен Гуэмес, — шепнул мне Эльмер. — Знаменитый наркоделец.

— А баллады о нем есть?

— Да, несколько, — усмехнулся мой друг, отхлебывая из своего стакана. — Это он убил Блондина Давилу.

Забыв от удивления закрыть рот, я воззрился на них: смуглые лица, жесткие черты, густые усы — и ощущение опасности, исходящей от этих людей. Их было восемь, они приехали четверть часа назад и за это время успели прикончить целую упаковку пива — двадцать четыре банки. После, уже на моих глазах, заказали две бутылки «Бьюкенена» и еще две «Реми Мартена», а танцовщицы, закончив выступление, подсади к ним — явление необычное для «Дон Кихота». Сидевшая за соседним столом компания голубых с крашеными белокурыми волосами — ближе к полуночи геи набивались сюда в огромных количествах, и оба контингента прекрасно ладили между собой — бросала на них многозначительные взоры. Гуэмес ответил им лукавой покровительственной улыбкой и, кликнув официанта, послал на их столик угощение. Мирное сосуществование по всем правилам.

— Откуда ты знаешь?

— Да это знает весь Кульякан.

Четырьмя днями позже, благодаря знакомой Хулио Берналя, племянник которой был связан с «делом», у меня состоялся странный и интересный разговор с Сесаром Бэтменом Гуэмесом. Меня пригласили на барбекю в один из домов на холмах Сан-Мигель, в верхней части города. Там молодая поросль наркобизнеса — второе поколение, — менее склонная к покачке, чем отцы, некогда спустившиеся с гор, чтобы освоить сначала квартал Тьерра-Бланка, а со временем атаковать импозантные особняки района Чапультепек, — теперь вкладывала деньги в дома, неприязнительные с виду, где роскошь начиналась за порогом и была предназначена только для своих — семьи и гостей. Племяннику знакомой Хулио, сыну знаменитого наркодельца из Сан-Хосе-де-лос-Орнос — фигуры, можно сказать, исторической, одного из тех, кому в молодости не раз приходилось отстреливаться и от полиции, и от конкурентов (ныне он со всеми удобствами отбывал срок в одной из тюрем Пуэнте-Гранде, штат Халиско), — было двадцать восемь лет, звали его Эрнесто Самуэльсон. Одного его старшего брата и пятерых двоюродных застрелили другие наркобандиты, или федералы, или солдаты, и сам он быстро усвоил урок: изучать право следует в Соединенных Штатах, вести дела только за границей (дома — никогда!), а отмывать деньги — в какой-нибудь уважаемой мексиканской компании, производящей трейлеры, или панамской фирме по выращиванию креветок. Он жил с женой и двумя детьми в ничем не примечательном доме, водил скромную европейскую «ауди» и три месяца в году проводил в Майами, где в гараже у него стоял «гольф». Живи тише — проживешь дольше, любил повторять он. В нашем деле главное — сделать так, чтобы тебе не завидовали, потому что убивает именно зависть.

Эрнесто Самуэльсон представил меня Сесару Бэтмену Гуэмесу в саду своего дома, под тростниковым навесом, держа в одной руке бутылку пива, а в другой — тарелку пережаренного мяса.

— Он сочиняет книжки и пишет для кино, — сказал ему Эрнесто и оставил нас наедине. Голос у Бэтмена Гуэмеса был мягкий, говорил он негромко, делая долгие паузы, за которые изучающе оглядывал меня с головы до ног. За всю жизнь он не прочел ни одной книги, но кино обожал. Мы побеседовали об Аль Пачино (фильм «Лицо со шрамом» был его любимой картиной), о Роберте де Ниро и о том, что эти сукины дети — голливудские режиссеры и сценаристы — никогда не делают

своих наркомафии белокожими и светловолосыми: их всех зовут Санчесами, и все они родом с южного берега Рио-Браво. Упоминание о светловолосых наркомафии облегчило мне задачу, и я упомянул Блондина Давилу; а пока Бэтмен Гуэмес сквозь стекла своих очков смотрел на меня, молча, очень внимательно, я довершил начатое, произнес имя Тересы Мендоса. Я пишу ее историю, пояснил я, сознавая, что в определенных местах, имея дело с определенным типом людей, лучше говорить правду, ибо ложь непременно взорвется у тебя под подушкой. А Бэтмен Гуэмес настолько опасен, предупредили меня, что, когда он поднимается в горы, койоты разжигают костры, чтобы он к ним не приближался.

— С тех пор прошла чертова уйма времени, — сказал он. По моим прикидкам, ему еще не было пятидесяти. Очень смуглая кожа, непроницаемое лицо с резкими чертами, характерными для северян. Позже я узнал, что он родом не из Синалоа, а из Аламоса, штат Сонора, — земляк Марии Феликс. Начиная карьеру, торгуя на мелочи наркотиками и доставляя в Штаты на своем грузовике нелегальных эмигрантов, травку и порошок, а потом мало-помалу выдвинулся: стал сперва перевозчиком товара на службе у Повелителя небес, а впоследствии — хозяином компании по производству трейлеров и еще одной, владеющей частными самолетами, которые курсировали с контрабандой между горами, Невадой и Калифорнией, пока американцы не усилили охрану воздушного пространства и не заткнули почти все бреши в своей системе радарного наблюдения. Теперь он почти ни в чем не участвовал, жил более-менее тихо на доходы от денег, вложенных в надежные дела, и от контроля над несколькими горными деревушками почти на границе с Дуранго, жители которых производили для него «смолу». У него было хорошее ранчо в окрестностях Эль-Саладо с четырьмя тысячами голов скота пород «до-бразил», «ангус» и «браво». Кроме того, он выращивал чистокровных скаковых лошадей и бойцовых петухов, приносивших ему кучу денег каждый год в октябре или ноябре, когда во время ярмарки скота устраивались бои.

— Тереса Мендоса, — пробормотал он спустя некоторое время, покачивая головой, будто припоминая нечто забавное. Потом отпил глоток пива, прожевал кусок мяса и снова отпил. И продолжал смотреть на меня сквозь очки — с некоторым лукавством, как бы давая понять, что он не против поговорить о столь давних делах, а риск задавать вопросы в Синалоа взял на себя исключительно я сам. Поговорить о мертвых — не проблема: наркобаллады полны реальных имен и историй. Опасно указывать пальцем на живых — при этом есть шанс, что кто-нибудь по ошибке сочтет тебя болтуном и стукачом. Я, принимая правила игры, глянул на золотой якорь — размерами лишь ненамного меньше якоря «Титаника», — свисавший с толстой блестящей цепи ему на грудь под расстегнутым воротом клетчатой рубашки, и уже без обиняков задал вопрос, который жег мне язык с той минуты, как четыре дня назад, в «Дон Кихоте», Эльмер Мендоса показал мне этого человека. Я сказал то, что должен был сказать, потом поднял глаза и обнаружил, что он продолжает смотреть на меня с тем же выражением, что и прежде. Либо я ему симпатичен, подумал я, либо у меня будут проблемы. Через несколько секунд он отхлебнул пива, все также глядя на меня. Наверное, все-таки я оказался ему симпатичен, потому что он наконец улыбнулся — чуть-чуть, ни больше ни меньше, чем того требовали обстоятельства.

— Это для кино или для книги? — спросил он. Я ответил, что пока не знаю. Может, и для того, и для другого. Тогда он предложил мне банку пива, открыл еще одну себе и начал рассказывать о предательстве Блондина Давиды.

Он был неплохим парнем, этот Блондин. Храбрый, исполнительный, да и собой хорош. Смахивал на Луиса Мигеля, только поуже в кости и пожестче. Одним словом, свой парень. Симпатяга. У Раймундо Давилы Парры деньги особо не задерживались: он тут же спускал все или почти все, что зарабатывал, и не скупился, угощая друзей. Они с Сесаром Бэтменом Гуэмесом не раз встречали рассвет с музыкой, выпивкой и женщинами, отмечая успех очередной операции. Какое-то время они даже были очень близкими друзьями — «братками», как говорят в Синалоа. Блондин был «чикано», родом из Сан-Антонио, штат Техас. Дело начал заниматься очень рано — возил в Штаты травку, спрятанную в машине; они вместе немало поколесили по Тихуане, Мехикали и Ногалесу пока «гринго» не засадили его за решетку на своей территории. Потом Блондину просто приспичило летать: он был парень башковитый, к тому же со школьным аттестатом, и пошел в училище гражданской авиации, что находилось тогда на бульваре

ре Сапаты. Летчиком он был классным — лучше всех, заметил Бэтмен Гуэмес, убежденно кивая головой, — не боялся ни бога, ни черта: настоящий сорвиголова. Как раз такие требуются для перевозки контрабанды, секретных взлетов и посадок на крошечных рулежках, спрятанных в горах, или для полетов на минимальной высоте, чтобы не засекали радары Системы Западного полушария, держащей под контролем авиамаршруты между Колумбией и Соединенными Штатами. Его «Сессна» казалась продолжением его рук и его отваги: она приземлялась в любой точке и в любой час, и это снискало ему славу, деньги и уважение. Кулььяканские друзья прозвали его — вполне заслуженно — «королем короткой рулежки». Чалино Санчес, который тоже был его другом, обещал ему даже сочинить балладу с таким названием — «Король короткой рулежки». Но Чалино одновременно подстрелили — ведь жизнь в Синалоа весьма вредна для здоровья, особенно если вращаешься в определенных кругах, — и Блондин так и не обзавелся собственной балладой. Как бы то ни было, с балладой или без, а работы ему хватало всегда. Его крестным отцом был дон Эпифанио Варгас, магнат наркомафии, горец-ветеран, крутой нравом, порядочный, с хорошими связями — он владел авиакомпанией «Нортенья де Авиасьон», пилоты которой летали на «Сесснах», «Пайперах-Команчах» и «Навахо».

Под прикрытием «Нортенья де Авиасьон» Блондин Давила совершал тайные рейсы с двумя-тремя сотнями килограммов травы или порошка на борту, пока не приобщился к великим деяниям золотой поры, когда Амадо Каррильо получил прозвище «Повелитель небес» за то, что организовал крупнейший в истории контрабанды наркотиков воздушный мост между Колумбией, Южной Калифорнией, Синалоа, Сонорой, Чиуауа и Халиско. В те времена миссия Блондина нередко заключалась в том, чтобы маячить пятнышком на экранах радаров — наземных и установленных на самолетах «Орион», битком набитых современной техникой слежения и специалистами из обеих стран, США и Мексики. Это официально именовалось миссией отвлечения, но сам он при этом еще и развлекался, водя за нос своих и чужих. Он заработал кучу денег, рискуя своей шкурой денно и нощно, взлетая с «пяточков» размерами с ладонь, расположенных в самых невероятных местах, и приземляясь на них же, — и все это ради того, чтобы отвлечь внимание охотников от больших «Боингов», «Каравелл» и «Ди-си-8» (контрабандисты приобретали их в складчину), которые за один рейс перевозили по десять-двенадцать тонн груза — при соучастии полиции, Министерства обороны и даже самых высокопоставленных представителей мексиканского правительства. То были счастливые времена Карлоса Салинаса де Гортари, когда контрабандисты вовсю орудовали в тени Лос-Пиноса; то были счастливые времена и для Блондина Давилы: пустые самолеты, никакой ответственности за груз, потому что его не было, игра в кошки-мышки с противниками, которых не всегда удавалось купить с потрохами. Полеты, где жизнь ставилась на орла или решку, а проигравшего в лучшем случае ожидал долгий срок в американской тюрьме, если его ловили на той стороне.

В те времена Сесар Бэтмен Гуэмес, который, в отличие от Блондина, стоял обеими ногами на земле как в прямом, так и в переносном смысле, начинал подниматься по иерархической лестнице наркомафии Синалоа. Стремясь к независимости от поставщиков Медельина и Кали, мексиканские группы поднимали тарифы, требовали в уплату все большее количество кокаина и сами пуסקали в оборот колумбийские наркотики, которые прежде только перевозили. Это облегчило восхождение Бэтмена, и после нескольких кровавых разборок, имевших целью передел рынка и сфер влияния (порой участвовавшие в них стороны недосчитывались в общей сложности по двенадцать-пятнадцать человек), а также надлежащей обработки максимального числа полицейских, военных и политиков, включая американских таможенников и сотрудников иммиграционной службы, пакеты с его фирменным знаком — летучей мышью — начали переправляться на трейлерах через Рио-Браво. Он занимался и горной смолой, и порошком, и травкой. Появилась и первая баллада, посвященная ему, которую, как рассказывали, он сам заказал одной северной группе с улицы Франсиско Вильи. Примерно в то же время дон Эпифанио Варгас, тогдашний патрон Блондина Давилы, начинал специализироваться на перспективных наркотиках типа «мефа» и «экстази»: собственные лаборатории в Синалоа и Соноре, а также по ту сторону американской границы. Если гринго хочется летать, говаривал он, мое дело — предоставить им крылышки. Всего за несколько лет, почти без выстрелов и пополнения кладбищ, действуя, можно сказать, в белых перчатках, Варгас сумел стать

первым мексиканским магнатом, занявшимся такими наркотиками, как эфедрин, который он без проблем ввозил из Индии, Китая и Таиланда, и одним из главных производителей метамфетамина по обе стороны границы. А еще он начал заниматься политикой. Теперь, когда его легальные дела были на виду, а нелегальные — замаскированы под фармацевтическое акционерное общество, располагающее поддержкой государства, кокаин и «Нортенья де Авиасьон» стали доносить Эпифанио ни к чему. Так что он продал авиакомпанию Бэтмену Гуэмесу, а вместе с нею сменил хозяина и Блондин Давила, которому хотелось летать еще больше, чем зарабатывать деньги. К тому времени Блондин уже купил двухэтажный домик в квартале Лас-Кинтас, вместо своего старого черного «бронко» водил другой, новенький, и жил с Тересой Мендоса.

Вот так потихоньку все и покатило под уклон. Раймундо Давила Парра не отличался благоразумием: жизни долгой он предпочитал жизнь бурную. Ему было плевать на все, а помимо прочего, его подвел длинный язык. Он болтал направо и налево о том, что уже успел сделать, и о том, что лишь собирался. Лучше пожить пять лет королем, любил повторять он, чем пятьдесят — волком. И вот потихоньку до Бэтмена Гуэмеса начали доходить слухи. Блондин вместе с порученными его заботам грузами перевозил свои, используя полеты для обдывания собственных делишек. Товар ему поставлял бывший полицейский по имени Гуадалупе Парра, известный также как Лупе-Индеец или Индеец Парра, — доводившийся ему двоюродным братом и имевший кое-какие полезные связи. Речь шла главным об-

«Ему оставалось совсем немного, но инструкции были убивать его медленно. Поэтому из самолета вытащили наркотики, а потом, как в кино, в стооктановый бензин, вытекавший из пробитого бака, бросили зажженную «Зиппо»

разом о кокаине, конфискованном полицией, которая, отобрав двадцать пакетов, официально заявляла о пяти, а остальными распорядилась по своему усмотрению. Это было очень нехорошо, просто паршиво — не то, что полиция вела себя подобным образом, а то, что Блондин организовал собственный бизнес, потому что за свою работу он получал бешеные деньги. Правила есть правила, и крысятничать, особенно в Синалоа и особенно за спиной у хозяев, — самый верный способ обеспечить себе массу проблем.

— Когда живешь против закона, — заметил в тот день Бэтмен Гуэмес, сидя с банкой пива в одной руке и тарелкой жареного мяса в другой, — нужно работать честно.

В общем, все сводилось к следующему: у Блондина был чересчур длинный язык, а его двоюродный братец звезд с неба не хватал. Туповатый и нескладный, Индеец Парра был из тех недотеп, которым закажи грузчик коки, и они пригонят тебе грузовик кока-колы. Он имел долги, каждые полчаса заправлялся кокаином, обожал большие машины, а свою жену и троих детей поселил в роскошном доме в самой шикарной части квартала Лас-Кинтас. Доллары у него не задерживались — как приходили, так и улетали. И вот в один прекрасный день братья решили обтяпать собственное дельце, и притом весьма крупное: организовать доставку некоего груза, застрявшего у полиции в Эль-Сальто, штат Дуранго, покупателем, ожидавшим его в Обрегоне. Как обычно, Блондин полетел один. По пути в Мехикали, куда он вез четырнадцать жестяных контейнеров якобы свиного сала, каждый из которых был «заряжен» двадцатью килограммами героина, он сделал крюк, чтобы забрать пятьдесят кило белого порошка, аккуратно расфасованного по пластиковым пакетам. Но кое-кто настучал на него, а еще кое-кто решил подрезать ему крылышки.

— А кто был этот второй «кое-кто»?

— Не задавайте глупых вопросов. Кое-кто.

Ловушка ему была подстроена, продолжал Бэтмен Гуэмес, на самой посадочной полосе в шесть часов вечера — точное указание времени пришлось бы в самый раз в балладе, фигурировать в которой так хотелось Блондину и которой так и не сочинил ему покойный Чалино Санчес, — поблизости от места в горах, известное под названием «Хребет дьявола». Длина дорожки была всего триста двенадцать метров; пролетев над

ней и не увидев ничего подозрительного, Блондин резко повел свою «Сесну 172R» вниз, до предела выдвинув закрылки — почти вертикально, словно спускался на парашюте, — и уже успел пробежать немного по земле со скоростью сорок узлов, когда заметил спрятанные под деревьями два грузовичка и людей, которым вовсе ни к чему было там находиться. Поэтому вместо того, чтобы тормозить, он дал газ и рванул вверх. Может, ему бы удалось подняться; потом кто-то рассказывал, что, когда в него начали стрелять, опустошая магазины Р-15 и «калалашниковых», колеса «Сессны» уже оторвались от земли. Но такое количество свинца оказалось чересчур тяжелым балластом, и «Сессна» грохнулась в сотне шагов от того места, где кончалась посадочная полоса. Когда добрались до Блондина, он был еще жив в своей искореженной кабине: все лицо в крови, нижняя челюсть раздроблена пулей, из рук и ног торчали обломки костей, хотя он слабо дышал. Ему оставалось совсем немного, но инструкции были убивать его медленно. Поэтому из самолета вытащили наркотики, а потом, как в кино, в стооктановый бензин, вытекавший из пробитого бака, бросили зажженную «Зиппо». Фффсссс. Правда, Блондин уже почти ничего не почувствовал.

— Когда живешь против закона, — повторил Сесар Бэтмен Гуэмес, — нет другого выхода, кроме как работать честно.

Последние слова он произнес задумчиво, ставя на стол пустую тарелку. Поцелкал языком, допил пиво и посмотрел на желтую этикетку, где значилось: Пивоварня «Сервесерия дель Пасифико А/О». Вся эта история прозвучала в его устах так, будто не имела никакого от-

ношения к нему: просто где-то что-то услышал, кто-то что-то рассказал. Так, словно она всем известна. И я подумал, что, наверное, так оно и есть.

— А что же Тереса Мендоса? — рискнул спросить я.

Он опасно глянул на меня сквозь очки, спрашивая без слов: что-что? Я напрямую спросил, была ли она замешана в делишках Блондина, и Бэтмен без малейших колебаний ответил, что нет.

— Ни боже мой, — сказал он. — Она в те времена была просто одной из многих — молоденькая, молчаливая. Девчонка контрабандиста. От прочих таких же ее отличало только одно: она не красилась в блондинку и не строила из себя гранд-даму. Ведь женщины здесь, — прибавил он, — обычно занимаются своими делами: парикмахерская, телесериалы, Хуан Габриэль и американская музыка, покупки на три тысячи баксов в «Серчас» и «Коппеле», где их кредит стоит дороже денег. Ну, в общем, вы понимаете. Тихая пристань усталого героя. Наверняка она о чем-то слышала, это ясно. Но к делам своего парня не имела ни малейшего отношения.

— А зачем же тогда было охотиться за ней?

— Ну, это вопрос не ко мне. — Внезапно он опять серьезнел, и я снова испугался, что он сейчас закончит разговор. Но Бэтмен только пожал плечами. — Здесь есть свои правила, — сказал он. — Их не выбираешь — ты приходишь в дело, а они уже есть. Это вопрос репутации и уважения. Как у акул. Стоит дать слабину или начать кровить, и остальные набрасываются на тебя.

Это как заключить договор с жизнью и смертью: столько-то лет живешь сеньором. Что бы там ни говорили, грязные деньги утоляют голод точно так же, как чистые. А кроме того, дают роскошь, музыку, вино и женщин. А потом, довольно скоро, ты умираешь, и земля тебе пухом. Мало кто из контрабандистов доживает до пенсии: естественный выход для них — тюрьма или кладбище. За исключением самых удачливых или самых башковитых, которые умудряются соскочить с поезда вовремя, — как, например, Эпифанио Варгас, который просто переплюнул всех: купил половину Синалоа, перебил вторую половину, потом стал фармацевтом, а теперь вот, пожалуйста, заделался политиком. Но это случай редкий. Здесь народ не доверяет тем, кто, пробыв долго в деле, все еще числится в активе.

— В активе?

— В живых.